

«Я знал, что будет плохо, но не знал, что так скоро». Первый час «Утомленных солнцем-2» (УС-2) Никиты Михалкова (НМ) смотреть можно, если воспринимать их как комикс, мангу, хотя с «Первым отрядом», конечно, не сравнить.

У репрессированного комдива Котова (НМ) на левой руке – стальная перчатка, как у Фредди Крюгера, с выдвигаемыми когтями-лезвиями. Последний писк моды: у нас, на Колыме, все так ходят. Взвзвываясь явно из какого-то другого фильма цыгане пляшут вокруг оккупантов, выкупая конфискованных лошадей песней. Интересно, какой: «К нам приехал, к нам приехал оберштурмбанфюрер дорогой»? Вскоре два наци, как в Бермудском треугольнике, исчезнут в сарае, где некая сила, как в «Пятнице, 13», порешит их топором и вилами. Надя Котова (Надежда Михалкова) спасается с потопленного судна, уплыв на рогатой мине. За ту же мину цепляется безногий священник (Сергей Гармаш), который пользуется свободным временем (судя по сценарию, Надя проплавала не меньше месяца) и злоупотребляет служебным положением, чтобы крестить девочку. Штрафник перед боем привязывает к спине цельную дверь. Котов, покряхтев, поднимает за ствол немецкий танк.

Рано расслабились. В какой-то момент сценарий, точнее говоря, бессвязный набор эпизодов, суть которых в том, что что-нибудь более или менее эффектно взрывается, горит или тонет (в комиксе так положено), идет вразнос. Режиссера влечет другое – то, ради чего он и снял фильм. Это другое – человеческое мясо: рваное, раздавленное, жженое. Долгими, жадными планами: подробно, еще подробней, крупно, еще крупней. Две, три, пять минут подряд. Во всех ракурсах. Одна оторванная нога курсанта, вторая нога курсанта, третья нога курсанта. НМ словно не владеет собой, «идет за мясом», как хищник. Найдя сумку медсестры, подписанную «сержант Котова», комдив находит в ней обломок гребешка и принохивается, определяя, пахнет ли она его дочкой. Пахнет! Котов прячет гребешок в карман и... Ну да, идет на запах, по следу Нади. Режиссер НМ ведется на запах крови. Бутафорской крови. На это нельзя, да и не нужно смотреть. Непонятно, как в трезвом уме и здравой памяти это можно снимать. Это уже не комикс, а порнография. Порнография в дурном смысле слова. Порнография в широком смысле слова.

Начнем с узкого смысла. Порнография отнюдь не есть имитированный половой акт на экране: он может быть необходим в силу художественной логики фильма, как в «Поле Х» Леоса Каракса, и перестает быть порнографией. Порнография – выхолащивание любви, сведенной к движению поршней. Порнограф не умеет снимать любовь, он умеет снимать только механику. Порнограф отчуждает любовь.

У человека есть два не отчуждаемых достоинства: любовь и смерть. «УС-2» – порнография смерти, что опаснее, страшнее и отвратительнее порнографии любви. НМ подменяет эмоции, которые вызывает смерть, ее механикой. Подменяет сладострастно – некрофилия, как и было сказано.

Нет образов – только физиология. Нет ужаса – только отвращение. Ну, еще неловкость, почти стыд за профессионалов грима, мастеровивших все эти шевелящиеся кишки, лопающиеся ожоги. Час экранного месива – и даже шока не испытываешь. Тебя насилуют – а тебе по барабану, привык. Это приговор режиссеру; даже не приговор, а диагноз. Режиссер все-таки художник. Художник создает образы – это акт любви. НМ уже, похоже, не в состоянии их создавать, он может только насиловать зрителей. Впрочем, отвратительней всего не месиво, а компьютерный снег, красиво-красивенько его заматающий.

Мне то что, у меня нервы крепкие. Как говорила изнасилованная героиня Клаудии Кардинале в «Однажды на Диком Западе» Серджи Леоне: «Еще одно грязное воспоминание. Приму ванну, и всё пройдет». Ужаснее всего были лица ветеранов на премьере. Телегруппа пыталась узнать их мнение о фильме и терялась, слыша: «Пытка», «Плевков нам в лицо», «Так снимать нельзя». Да, время стирает в памяти физиологический ужас войны. Но если бы в экранном ужасе была хоть крошка правды, ветераны не говорили бы того, что они говорили. Слава богу, никому из них не стало плохо в зале. Впрочем, что ж я так о НМ?! Порнография в узком смысле тоже присутствует: анально-фекальная фиксация, некрофилия и – финальный апофеоз – голая грудь Нади. Чуть не забыл: догнав сбежавшего «языка», Котов играючи хлещет его ремнем по заднице, а «язык» требует, чтобы руки ему связали не спереди, а за спиной. Где ваше дилдо, товарищ Котов? Немецкий партнер любит жесткач.

P.S. Наверное, сказав это, не имеет смысла копаться в мелочах. Тем не менее...
P.P.S. Замысел «УС-2» безумен по определению – после того, как в «УС» НМ убил всех героев. Финальные титры сообщали: Котов расстрелян, жена погибла в лагере, дочь сгинула в детдоме. Финальная сцена удостоверяла: провокатору Мите Арсентьеву (Олег Меньшиков) удалось свести счеты с жизнью. Режиссер – если он режиссер, а не НМ – вправе убивать и воскрешать героев. Но не всех же скопом!
Жаль, в «УС» никто не делал аборт. Был бы шанс в «УС-2» встретиться с чудесным образом выжившим ребенком. Хотя, судя по мимике героев, все они – зомби. Судя по фильму, НМ тоже.

Упорствуя в желании снять не другой фильм о других героях со схожими, типичными судьбами, НМ совсем запутался. Мыслимо ли, чтобы в 1937-м Арсентьев, чекист с белоэмигрантским прошлым (смертник без вариаций), не просто выжил в мясорубке и сделал карьеру, но и женился на вдове Котова (Ингеборга Дапкунайте чудесным образом превратилась в Викторию Толстоганову), и никто из начальства об этом не знал. Что за всемогущий Митя такой? Врет в глаза Берии и Сталину, что Котова погибла в лагере.

Мыслимо ли, чтобы Берия не знал о замене Особым совещанием (ОСО) 58-й статьи Котова на уголовную (почему, кстати, на «хищение» – могли заменить на «халатность», если обвиняли в диверсии, но Котов-то явно шел по «делу Тухачевского»)? ОСО возглавлял заместитель наркома, то есть Берии. Однако Берия узнает о замене статьи из бумажки, «найденной у убитого начальника лагерного пункта», которая в предыдущей сцене сгорела синим пламенем. Рукописи не горят.

Лагерный пункт а ргос недалеко от границы: вряд ли не то что на третий, но и на 103-й день войны немцы бомбили Колыму, где должен чалиться комдив. В прифронтовой полосе тюрьмы были – лагпунктов не припомню.

Мыслимо ли, что среди кремлевских курсантов – сын расстрелянного муллы, соблюдающий намаз? Что дочь Котова вожатая в пионерлагере, где и начальник, и пионерки – родня расстрелянных «врагов народа»?

Кстати, сколько лет Наде в «УС»? Ну, от пяти до семи. В 1941 году ее уже должны принимать в комсомол. Принимали, как сейчас помню, в четырнадцать. А в пятнадцать она уже сержант? К двадцати до генерала дослужится. Да и грудь, какую мы созерцаем в финале, никак не 15-летней девочки.

P.P.P.S. НМ прочитал тысячи документов о войне, включая засекреченные. Но не самые засекреченные, из которых узнал бы: постановление ГКО о создании СМЕРШа Сталин подписал 21 апреля 1943 года. В фильме же упоминается, что в декабре 1941 года Котова СМЕРШ допрашивал спустя рукава. И что это за хрень: «Особый отряд СМЕРШа»? СМЕРШ, кто не знает, это военная контрразведка. Какой, на фиг, «особый отряд» в особом отделе? И уж наверняка у СМЕРШа были дела поважней, чем поголовный опрос мужского населения на освобожденной территории. Да, прав был товарищ Сталин, лично придумав название СМЕРШ: такое красивое слово, что употребляют его ни к селу ни к городу.

Это цветочки. Ягодки – штрафбат чокнутых урок и окруженцев, в котором Котов в декабре 1941 года сражается под Москвой, где-то прошарившись полгода. Ну, не было тогда ни штрафбатов (для офицеров), ни штрафных рот (для рядовых и сержантов): их учредили 25 июля 1942-го (приказ № 227, кто не слышал). В 1941 году окруженцы проходили проверку в фильтрационных лагерях, и, если проходили, направлялись на фронт. Читайте «Живых и мертвых»: Константин Симонов знал войну не понаслышке.

Котова не раз хотели из штрафбата прогнать, сняв судимость, в армию – и даже наградить, а он отказывался, и управы на него никакой не было. Холст, масло: барин Котов возлежит в штрафном окопе, особисты на цырлах просят дозволения наградить его или хотя бы освободить. А он: «Уйдите, противные».

P.P.P.P.S. В свете свирепого упорства НМ показывать растерзанные тела советских солдат изумляет его целомудрие по отношению к немецко-фашистским трупам: на них вуайеризм НМ не распространяется. Еще удивительней, что законопослушные немецкие летчики ограничиваются психической атакой на пароход под флагом Красного Креста. Только когда контуженный пассажир убивает выстрелом из ракетницы одного из них, мстительный ас, презрев истерические вопли командира звена, сносит шасси (наш немецкий цирк!) голову капитану, и бедным наци приходится потопить посудину, чтобы...

Чтобы что? Чтобы СССР не пожаловался в женевский офис Красного Креста, во Всемирную лигу сексуальных реформ, в «Международную амнистию»? Чтобы начальство не заругалось? Не только в Польше и Югославии, но и во Франции, будущей витрине единой нацистской Европы, никакие Красные Кресты не мешали люфтваффе косить на бреющем полете колонны беженцев. И Геринг ножками не топал.

Р.Р.Р.Р.Р.С. На этом удручающем фоне православное кликушество НМ было бы невинной шалостью, если бы не приобретало характер злобного шаржа. В «Адмирале» Андрея Кравчука молитва проводила русское судно через мины. Лубок? Лубок, ну и славно. В «Царе» Павла Лунгина икона, как торпеда, сносила опору моста, преградив путь злым ляхам: да ради бога. В «УС-2» стоит Наде, вцепившейся в разумную мину, помолиться, как обреченной вендетте с Михалковыми) рушится в море. Мина выносит Надю на берег. Воспитанная девочка благодарит ее и отпускает на волю волн. Мина делает книксен и тут же топит родной, советский пароход. Очень безбожный: на нем партархив эвакуировали, бюсты Сталина (сомневаюсь в реальности такого маразма) и пианино обкомовской жены. Ни Наде, ни НМ их не жалко. Но команда-то чем провинилась?

Клип на песню «Так фигли ж ботик потопили!»: «На нем был новый патефон, и два портрета Джугашвили, и курительный салон».

Логично. «УС-2» – сага о том, что Михалковы в огне не горят и в воде не тонут. Прочие насекомые оттеняют их душевные муки. Никого не жалко, никого... Черт с тем, что НМ не жалко никого. Но и зрителям – тоже. Когда НМ включает «психологию», это похлеще некропорно. НМ никогда крестиком не вышивал, но и топором еще не монтировал, как смонтировал всё более крупные планы глаз цыганской девочки и глаз фрица, палача табора.

Перекошенное лицо – главное актерское орудие: так не гримасничали и в немых мелодрамах, спародированных НМ в «Рабе любви». Даже перепиленные пополам, с вываливающимися кишками, герои не умрут, пока не расскажут всё, что думают о Сталине. Единственный актер, кто действительно работает, – Сергей Маковецкий в роли полупомешанного офицера СМЕРШа. Как же ему неудобно в этой фильме. Пользуюсь случаем, чтобы извиниться перед Павлом Лунгиным и Владимиром Хотиненко за суровые отзывы об «Острове», «Царе» и «Попе». Когда я писал о них, я еще не видел «УС-2».

Р.Р.Р.Р.Р.С. Не смея разбомбить пароход с ранеными, немецкий летчик решает хотя бы обоссать капитана. Его голая задница маячит на экране во всех ракурсах, пока в нее не всаживают заряд из ракетницы. Механическое анальное изнасилование как метафора Великой Отечественной?

Я знаю, почему отменили показ «УС-2» на Красной площади. Сурков прикрыл глаза, представил и вздрогнул: 9 мая над Кремлем парит огромная голая нацистская жопа. Достойный символ русского кино, поднявшегося с колен, чтобы встать раком. Докопались до дна – снизу постучались.

Р.Р.Р.Р.Р.С. В каннском конкурсе покажут сокращенную на треть, двухчасовую, версию «УС-2». По-живому так не режут – только по мертвому.

Михаил Трофименков («Ъ»)
«Фонтанка.ру»